

Эдита Пьеха

28/VI-882

28 ИЮН 1988

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
г. Москва

Пришло сообщение из Афганистана: советская певица Эдита Пьеха награждена афганским орденом Дружбы народов.

И сразу вспомнились ее слова:

— Чем стали для меня поездки в Афганистан? Возвращением войны — она вернулась в сердце и память глазами наших ребят, в которых горели еще огни боя. Они смотрели на меня и будто спрашивали: ну что же ты скажешь нам, Пьеха? Известно, что многие из них стали героями, может, сами того от себя не ожидали. Жизнь потребовала, чтобы в свои неполные двадцать стали они храбрыми и умелыми воинами. И они стали такими, какими нужно было для их солдатского дела. Не убивать пришли они на афганскую землю, а защищать тех, на кого был нацелен автомат убийцы. Недавно Наджибулла привел такие цифры: среди убитых — 35.700 женщин, 20.700 детей до 10 лет. Страшно подумать, какую же цифру назвал бы он, когда бы не юные «шурави», грудью своей прикрывшие юных афганцев от разящей пули!

— Эдита Станиславовна, я хорошо понимаю, почему вы свели разговор именно к детям. Ведь войну вы видели именно в детском возрасте, а война и детство настолько несовместимые понятия! Говорят, дети многое не понимают, а по-моему, они переживают еще большее взрослых, острее, во всяком случае.

— В войну мы жили в оккупированной фашистами Франции. Жили среди простых и сердечных людей, шахтеров. Видели, как на работы в шахту водили совет-

Встречи по вашей просьбе

Эдита ПЬЕХА:

Я пела «Марсельезу» в День Победы

ских военнопленных. Потом пришло освобождение и известие о Победе. Это чувство трудно передать: мир! Враг поставлен на колени, всюду ликование, свет, радость. И я запела «Марсельезу». Потому, что это был гимн страны, в которой жила? Потому, что ее любили и пели не только французские, но и русские революционеры, ставшие ныне победителями фашизма? Я знала это: мне было уже 9 лет. Но мне было еще 9 лет, и я не знала, почему пою именно «Марсельезу», она сама пела, наверное, иначе просто быть не могло.

— А что вы пели в Афганистане?

— В основном то, что просили зрители. Каждый день во время концертов я получала записки: «Мы уходим на боевое задание. Исполните нашу любимую песню». Чаще всего это были «Надежда», «Огромное небо», «Мама». А вообще-то просили больше всего спеть те песни, в которых есть заряд мужества, силы, — они очень нужны были людям, чьим уделом стали трудные бои.

— Но вы не только ведь через песню связаны с теми, кто воевал в Афганистане, с их родными и близкими?

— Из каждой поездки я везла с собой десятки писем, которые наши бойцы-интернационалисты передавали родным и друзьям. Номера телефонов, по которым надо позвонить и сказать такие простые слова: ваш сын, брат, муж жив-здоров, на днях я его видела. Но сколько счастья вызывают эти слова! Понять это по-настоящему могут, кроме «афганских» матерей, жен, лишь те, кто когда-то ждал писем с фронта.

— И не только по телефону — прямо со сцены в концертах, в микрофоны радио повторяла я эти слова от тех, чьим местом службы стал Афганистан, тем, для кого название этой страны стало и болью, и надеждой.

— Все-таки это, наверное, и для вас было не только радостью — приносить весточку надежды, но и очень легким делом: надежда, когда там идут бои, очень хрупкая вещь...

— Но я ведь ленинградка. Я воспитана этим замечательным городом, я вросла в него, как пересаженное деревце навсегда врастает в благодатную почву. А Ленинград не только город революции, но и город войны, город блокады. Одна из песен, которую я пою, начинается словами: «Я зовусь недаром ленинградкой».

В свое время песню с этими словами пела Клавдия Ивановна Шульженко. Она родилась в Харькове и до последних дней своей жизни жила в Москве. Но именно о Ленинграде говорила с такой любовью, с которой можно говорить лишь о родном городе: ведь ее творчество было тесно связано с Ленинградом в годы войны. И действительно, город этот удивителен и прекрасен, быть частицей его — большая ответственность и высокий долг души.

— И воздаянием этому долгу можно назвать вашу программу «Моим друзьям», которой вы отметили 30-летие творческой деятельности, в частности «блок» песен, который называется «Никогда»,

поняла, в чем дело. Потом узнала — они приехали сюда, чтобы найти могилы своих мужей и сыновей, поклониться им. И в тот вечер решила спеть «День Победы», хотя никогда раньше не пела эту песню. Она обычно исполняется мужчинами.

Буквально с одной репетиции спела «День Победы» от имени тех людей, которые воевали, работали в тылу. Она получилась не громкой и не бравурной. Пела очень тихо, потому что, казалось, не выдержу этой вселенской боли, которая выражена, по-моему, в песне. Во время исполнения взглянула за кулисы, где стояли рабочие сцены из нашего коллектива. С некоторыми из них я знакома с первых дней своей работы на эстраде. Их мнение очень дорожу. И доверяю. А они стояли за кулисами и плакали.

Постепенно голос окреп, и песня выросла в гимн благодарности тем людям, которые завоевали Победу. Вот таким событием был отмечен для меня этот день и этот концерт.

— Так в вашем творчестве соединились далекое уже прошлое и нынешний день. Вероятно, иначе быть и не могло, ведь поете вы «Я зовусь недаром ленинградкой» — мы умеем все переживать».

— Для меня символ того времени — «Синий платочек» в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко. Нашему поколению выпали свои испытания, свои бои. И я рада, что своими песнями помогала в чем-то солдатам-интернационалистам и что мне дано было продолжить боевые традиции советской песни. Вел беседу И. АБЕЛЬ.